

Зрители концерта вторят припеву в унисон. Сидя на парапете, женщина обнимает свои хозяйственные сумки ласково, словно маленького ребенка. Почесывает одной ногой другую ногу, снимает резиновые шлепки ярко-фиолетового цвета и ставит свои стоптанные ступни отдохнуть на прохладную бульварную плитку. Один из музыкальных номеров Эмир Кустурица неожиданно завершает аккордами песни «Подмосковные вечера». Босоногая женщина одобрительно кивает на последних звуках.

И вот ее дорогая поклажа уже в охапке, а сама она на скамейке. Выразительным жестом показывает, что мать пила, и в восемь месяцев бабушка увезла ее из России на Украину, в Днепропетровск. Про папу ни слова. Катя с грустью понимает, что концерт для нее окончен, а сама она после тяжелого дня раздумий неведомо зачем погружается в чужую некрасивую как-то зависящую от пакета молока жизнь. Ее нелегалка акцентирует внимание на своей шишке на правом веке, говорит, что это киста. Что она выдавила прыщ, и вот киста теперь растет и глаз закрывает, что денег нужно полторы тысячи долларов, а у нее нет. Что ее пенсия по утере кормильца девятьсот гривен, тщательно так все суммы произносит, как заученные. Что у нее сын остался в Днепропетровске, одиннадцати лет, а муж умер в тюрьме от туберкулеза. Рассказывает, как была второй раз беременна.

– Залетела в тюрьме на свиданке. Мужу ничего сказать не успела, доктор (хороший доктор) так посоветовала и сделала мне аборт. Я плакала.

Катя перебирает в уме грехи, за которые к ней приклеилась и врет теперь эта плохая актриса.

– А вам поубирать не нужно? – женщина снова смотрит в глаза девушки и вот-вот залает, если та попросит. – Я хорошо умею, на совесть, – просияв от перспективы согласия, предлагает она.

– Нет, – отвечает Катя, – я сама справляюсь.

– Жалко, а то меня дворником не берут. Тут у вас мафия целая. Еще стукнут меня, потому что я очень хорошо убираю...

– И вот сейчас у меня четвертый месяц, а мне, между прочим, сорок пятый год.

Катя замечает, что у собеседницы полупустой рот, зубы как-то через один, в шахматном порядке устроены.

– Четвертый месяц чего? – открывает Катя широко глаза.

– А что, не видно, что я залетная? Видно-видно, у меня же нос картошкой, посмотрите! – хлопочет, выдвигая свой нос на свет, женщина.

Ее огромные груди в майке черного цвета в белый горох лежат валунами на коленях без всяких там условностей в виде лифчика, и понять, что под ними кто-то уже живет, просто невозможно. Из груди сумок она достает картонную папку, в ней карточка беременной, заполненная странно красивым для медработников почерком. Вместе читают карточку, действительно, в ней все указано, и даты, и анализы какие-то вклеены, докторская печать. Залетная улыбается совершенно блаженно.

– Да, действительно картошкой. – заключает Катя. – Ну, на этот раз отец, надеюсь, жив?

– Жив, гад. Узнал, что я с дитем, сбежал.

И женщина смеется, смеется, не глупо, не грустно, а хорошо так смеется – музыкально, и от ее смеха становиться еще хуже, еще паскуднее. Хочется понять, зачем они встретились. Катя начинает думать, но не хочет трезветь.

– Скоро сестра моего бывшего, того, что умер, меня попрет. Я у нее живу. А я родить у вас хочу. Мне ваш город нравится смертельно, особенно утром, когда еще машины не ездют.

– Да, это уникальное место, но здесь тоже убивают и грабят людей.

– Ну, не так, как у нас! Точно вам говорю, не так.

У Кати все начинает болеть внутри, ей становится душно и хочется крикнуть: «Я не знаю, как все это работает!».

Ей тридцать лет, все зубы на местах, никто от нее не сбегает, и это ее город, утром, в обед и вечером. Но у нее не будет детей.

– А знаете, что? – выводит тело в майке в горошек Катю из комы.

– Что? – пугается она.

– Я вот сейчас решила – вы будете крестить моего ребенка!

А что, вы красивая.

Вот такая засада. И что делать? Может, встать и уйти? Просто подняться и зашагать.

Вместо этого Катя говорит:

– Запиши мой номер телефона.

Женщина достает маленькую потрепанную записную книжечку в черной обложке, цвет подходит к ее майке, и записывает под диктовку. На другой странице пишет свой номер, говорит, что телефона самого у нее сейчас нет, но она карточку вставляет у родственницы, когда нужно. Вырывает листик с корявыми цифрами, над которыми заглавными печатными буквами написано: АНЕЖЕЛА...

Катя достает кошелек, выгребает из него все что есть, потом все же оставляет немного на дорогу домой.

– Мне в начале декабря рожать, время-то еще есть у вас на подготовку, я позвоню.

– Возьмешь? – спрашивает Катя, протягивая к сработанным в камешки пальцам смятые купюры.

Эта женщина для нее уже только образ, который будет ползти за ней, как тень, всю жизнь. И каждый раз чем-то новым станет обрастать их разговор, и может быть, эта летняя встреча, с запахом моря будет переноситься в другое место. Исчезнут с течением времени фиолетовые шлепки и прокиснет в пакете молоко. В городе будет благодетельствовать другой мэр, он распорядится снова перестелить плитку на бульваре, и рабочие унесут следы отекавших женских ног на дачу к его теще.

Но сейчас, в эту минуту, женщина смиренно превращается в дымчатый силуэт, и этот силуэт молча кивает, а потом беззубым ртом крепко целует на прощание Катины дрожащие губы.

